

З. А. Чеканцева

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА "РЕВИЗИОНИСТКОЙ АТАКИ" на "КЛАССИЧЕСКОЕ" ВИДЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ XVIII века

Clio Moderna. Зарубежная история и историография.

Сборник научных статей. Вып.4. Казань, 2003

Веб-публикация: Eleonore и редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения* © Статья предоставлена для сайта автором, *Зинаидой Алексеевной Чеканцевой*

Во второй половине XX века историографический ландшафт французской революции изменился радикально. Поскольку содержание этих изменений многократно и обстоятельно описано в зарубежной и отечественной литературе,¹ позволю себе лишь в общих чертах напомнить их динамику и характер.

До конца 50-х годов в историографии революции доминировала ее "классическая" концепция, развитие которой в XX столетии во Франции связано, прежде всего, с именами Ж.Лефевра (1874–1959) и Э.Д.Лабрусса (1895–1988). Основные моменты "классического" прочтения революции разделяла и развивала весьма влиятельная в первой половине века международная марксистская историография.

Для "классической" историографии революции характерна методологическая позиция, которая точнее всего была выражена Ж.Лефевром: "Недостаточно описывать, надо считать". Соответственно для верификации и сближения исторического знания с подлинной наукой в основе объяснения были количественные данные, полученные из серийных источников. Отчасти такой подход был связан с объектом изучения. Преобладала социальная и экономическая история. Историки изучали социально-экономические структуры общества, социальные классы, социально-экономическую политику властных политических групп, а революция представлялась как один из уникальных моментов борьбы классов, в ходе которой к власти неизбежно должна была прийти национальная буржуазия. Количественные данные были обязательным атрибутом исторического объяснения, важнейшей "доказательной" его составляющей. Сотни специальных исследований по истории революции были созданы по одному образцу, как ответ на всем известный список вопросов.

При этом историки марксисты изучали революцию преимущественно "снизу" и "слева": главный источник революционной энергии видели в движении масс, а вершиной революционной драмы считали период "якобинской диктатуры". Сторонников такой трактовки революции М.Вовель назвал "якобинской школой". Апогеем ее активности и влияния были 50–60-е годы. В этот период работали ученики Ж.Лефевра: А.Собуль, Сюратто, Р.Кобб, В.Марков, Д.Рюде; советские историки: А.З.Манфред, В.М.Далин, Б.Ф.Поршнева, А.Л.Нарочницкий и др. Однако в конце 50-х годов в международной историографии неожиданно активно стало формироваться так называемое "критическое" или "ревизионистское" направление, адепты которого – А.Коббен, Дж.Тэйлор, Э.Эйзенштейн, Ф.Фюре, Д.Рише, Э. Ле Руа Ладюри и другие – предприняли решительную атаку на "классическое" понимание революции. И предложили ее новое прочтение. "Классическая" и марксистская интерпретация были объявлены "мифом", под вопрос было поставлено видение революции как формационной и буржуазной, как единого социального взрыва, предопределившего неизбежность перехода от феодализма к капитализму.

Появление этого "критического" направления вызвало оживленную дискуссию в международной историографии революции, которая, несмотря на идеологический заряд, стимулировала научный поиск и способствовала переосмыслению общих интерпретационных схем. Попытка сторонников "классического прочтения" активизировать изучение революционной эпохи в начале 70-х годов главным образом путем расширения проблематики исследований закончилась неудачей². Инициатива в изучении революции перешла к сторонникам новых подходов, которым удалось существенно трансформировать общий образ революционной эпохи. Телеологическое преимущественно социально-экономическое (и формационное) видение революции сменилось множеством объяснительных моделей, которые, не отменяют, а дополняют друг друга. Революцию стали представлять не только как борьбу классов³, но и как конфликт идей и представлений, проявившийся в полном небывалого драматизма революционном "спектакле", как "политическое самоопределение" французской нации, как грандиозную попытку преодоления разрыва между элитарной и народной культурой, как политический переворот, предопределивший

рождение нововременной демократии, как борьбу поколений и т.д. В то же время претензии ученых на "объяснение" революции существенно поубавились. В работах 80-х годов революция предстает как "загадка". Осмысление ее – увлекательное интеллектуальное занятие, позволяющее не только выявить хитросплетения революционного времени, но и понять многие важные проблемы нашего сегодняшнего опыта. В последние десятилетия все больше внимания за рубежом уделяется историографическому материалу. При этом еще в начале 90-х годов была высказана мысль о настоятельной "необходимости модифицировать терминологию, касающуюся различных интерпретативных течений в историографии революции"⁴.

Существенные перемены произошли и в отечественной историографии этой большой темы. Советскую историографию французской революции постепенно сменяет постсоветская, которая находится в стадии становления. Однако выявление специфики нового образа отечественной историографии революции по прежнему идет в дихотомическом плане, и ключевыми остаются старые историографические понятия "классическое" (марксистское) видение и "ревизионистское" или "критическое". При этом отечественные специалисты по историографии революции и в постсоветское время предпочитают оставаться в предметном поле и анализируют, точнее, инвентаризируют не столько исследовательские практики, сколько их результаты⁵. Осмысление процесса изучения революционной эпохи чаще всего останавливается на уровне констатации и описания смены исследовательских приоритетов, расширения проблематики, более или менее подробного реферативного описания конкретных исследований или проблемного обзора определенного их количества. Объясняются эти перемены преимущественно накоплением новых данных, идеологической и политической конъюнктурой, сменой поколений и лишь намекается на некоторые новые веяния в науке вообще, которые чаще всего связывают с влиянием идей школы "Анналов"⁶. Кроме того, и в постсоветской историографии революции одним из способов организации материала остается выявление направлений в соответствии с политическими пристрастиями ученых⁷. На фоне интернационализации историографической практики и очевидного снижения значения идейно-политического компонента в самоидентификации национальных исторических сообществ такая форма репрезентации историографического материала представляется чуждой, даже если речь идет о столь идеологизированном сюжете как французская революция.

Между тем способ организации исследований по истории науки приобретает сегодня, когда рост информации носит лавинообразный характер, первостепенное значение: историографические работы в таких условиях – это (помимо прочего) важное средство преодоления трудностей в процессе научной коммуникации. Однако без внимательного изучения исследовательской практики конкретных ученых и глубокого осмысления эпистемологической природы научных изменений на основе широкого круга чтения качественная трансформация существующих сегодня в нашей науке способов организации историографического материала вряд ли возможна.

В современной эпистемологии до сих пор нет удовлетворительной модели, объясняющей, как происходят изменения в науке⁸. В частности, не очень понятно "как думают историки"⁹, и как трансформируется общая конфигурация идей в том или ином времени-пространстве. Из известных теорий интеллектуального изменения¹⁰ я хотела бы обратить внимание на модель американского философа Стивена Тулмина. Ученый полагал, что интеллектуальные мутации связаны не столько с парадигмальным приращением логико-сциентистского знания, сколько с постепенной трансформацией "стандарта рациональности", во многом определяющего черты интеллектуальной жизни конкретного времени¹¹. "Интеллектуальное содержание любой рациональной деятельности не образует ни единственной логической системы, ни временной последовательности таких систем, – считает Тулмин, – скорее оно представляет собой интеллектуальную инициативу, рациональность которой заключается в процедурах, управляющих его историческим развитием и эволюцией". (курсив мой – З.Ч.) Процедуры эти вырабатывают конкретные люди, ученые, для которых степень понятности того или иного явления, процесса, события, состояния зависит от интуитивно принимаемого за норму "режима рациональности", который можно выявить в интеллектуальной жизни любой исторической эпохи.

В XX веке формирование нового "режима рациональности" происходило постепенно во всех сферах освоения мира, включая искусство, религию, философию, естественнонаучные и гуманитарные дисциплины. Новое видение мира, человека, культуры и истории, получив значительный импульс где-то на рубеже XIX–XX веков, по крупицам накапливалось в течение всего столетия. Процесс этот носил не линейный характер, а продвигался, если использовать метафору Ф.Броделя, как испанская процессия, когда шаг вперед сопровождается двумя шагами назад.

Содержание этого процесса – большая междисциплинарная тема. Философ В.Н.Сыров убедительно продемонстрировал связи между важнейшими западноевропейскими историко-философскими проектами нового времени, изменением способов конституирования исторического и гносеологическими трудностями исторического познания XVII–XX веков¹². Осмысление этих связей помогает понять эпистемологическую природу "ревизионистской атаки" на классическое видение французской революции.

Есть основания полагать, что изменения в историографии французской революции содержательно вписываются в интеллектуальную революцию 70–80 гг. в западной гуманитаристике. Побудительный мотив участников ревизионистского проекта, который ясно прочитывается в их работах – критическая установка на демистификацию, раскрепощение мысли, избавление от предрассудков, стремление выйти за изучение революции на новый уровень в "режиме рациональности", осознаваемый многими интеллектуалами, вполне соответствовал общей установке гуманитариев этого периода.

А. Де Бек, размышляя об итогах 200–летнего юбилея французской революции, пришел к заключению, что "критический поворот" в историографии этой теме в целом соответствовал повороту в исторической дисциплине, в ходе которого историки столкнулись со своими сомнениями по поводу проникновения в реалии прошлого и неожиданно обретенной сложностью обществ, которые были объектом изучения. В этом смысле "история французской революции перестала быть особым исключительным миром"¹³. Этот вывод французского историка на первый взгляд представляется парадоксальным, так как размах юбилейных мероприятий, казалось бы, напротив мог изолировать этот период и людей, которые его изучают. Однако этого не произошло. Почему? Думается, что ответ надо искать в новом интеллектуальном климате, сложившемся в гуманитарном дискурсе к концу 80-х годов, когда стало принципиально невозможным наличие привилегированных сюжетов или "правильного" всеми признаваемого мнения/знания по любому поводу.

Зарубежная литература этого периода, так или иначе связанная с темой народных движений свидетельствует, что многие работы историков были созданы на основе новых исследовательских подходов и процедур, общий пафос которых вписывается в постмодернистское мироощущение¹⁴. То же можно сказать о большом массиве исторической продукции, посвященной письменной и визуальной культуре французской революции, культуре чтения и издательского дела периода Просвещения, романтической историографии первой половины XIX века, связанной с революционной эпохой. "Глубокое" чтение этих работ без сомнения позволило бы вписать многих специалистов по истории революционной эпохи в "коллективную биографию" (Г.И.Зверева) новых интеллектуальных историков. Разумеется, все это можно и нужно представить "в материале", но в ограниченных рамках статьи это сделать невозможно, да это и не входит сейчас в мою задачу. Хочу лишь подчеркнуть, что "новое видение" пробивало себе дорогу не только в новых предметных областях. Например, первая серьезная критика широко распространенного социографического метода анализа содержится в работах по истории французских городов, по истории народных движений и в региональных исследованиях, написанных в русле "тотальной истории". В этой связи объяснять "критические повороты" в историографии революции открытием новых предметных областей и "возвратами" к "событию", "политике", "религии" малопродуктивно.

Ф.Фюре, язвительно критикуя книги по истории революции А.Собуля и особенно К.Мазорика, не без оснований называет теоретические построения историков-марксистов "метафизическим чудовищем", которое своими щупальцами удушает историческую реальность, проявляющуюся в пульсирующей, непредсказуемой спонтанности революционного кризиса¹⁵. А чрезвычайно живучий концепт "буржуазная революция" историк представляет "метафизическим персонажем", уподобляя его "картезианскому Богу", который "обнаружив, что существование входит в число его свойств, уже не мог не существовать"¹⁶.

Сам тип исторического мышления, которое определяло исследовательские стратегии историков, оформивших "классическое" и марксистское видение революции был порожден нововременной природой философствования, заданной знаменитым радикальным сомнением Декарта. Ключевой в этом способе философствования была проблема истины. При этом общий принцип ее установления был предопределен. "Это редукция многого к единому, сложного к простому, представления к идее, опосредованного к непосредственному, данному с очевидностью... и обратная процедура дедукции сложного из простого, диалектики многого из единичного и т.д."¹⁷ Именно это обстоятельство, – пишет В.Н.Сыров, – произвело на свет все базисные оппозиции классики: естественное/искусственное, опосредованное/непосредственное, эмпирическое/теоретическое, мнение/знание и т.д. Оно же предопределило истолкование всей сферы знания и культуры в целом как иерархии, базирующейся на едином основании или выведенной из него"¹⁸.

В основе классической исследовательской процедуры лежит идея обратимой и членимой последовательности фактов. Это приводит к тому, что структура определяет и подминает событие. Событие в этой системе, прежде всего временная единица, содержание которой можно выяснить на основе документов в архиве. Соединение этих единиц позволяет получить некую структурную (системную) целостность явления любой природы (экономической, демографической, социальной, культурной). Нарастание таких целостностей означает прогресс исторического познания. Для того, чтобы вписать подобную целостность в историю достаточно ее уложить в хронологический ряд. Сравнение "правильно" выстроенных хронологических периодов и телеологическая установка на обязательность движения от простого к сложному (прогресс) выступает в качестве объяснения исторической динамики путем установления причинных зависимостей. "Революция, – пишет Ф.Фюре. это не только "прыжок" из одного общества в другое, но также и совокупность способов, посредством которых гражданское общество, вдруг сделавшись "открытым" вследствие кризиса власти, освобождает все заложенные в нем идеи. Это грандиозный культурный прорыв, смысл которого общество не совсем осознает...Зачем же... делать из нее неизбежный результат уникальной метафизической сущности, которая последовательно разворачивает, наподобие русских матрешек, одно уже заключенное внутри нее событие за другим? Зачем стараться любой ценой конструировать эту фантастическую хронологию, где за фазисом восходящей "буржуазии" следует период царства народа, после которого происходит падение назад в буржуазность, называемое теперь уже "нисходящим", поскольку в конце него стоит Бонапарт?"¹⁹ Нетрудно заметить, что в этом намагниченном критическим пафосом пассаже речь идет именно об описанной выше процедуре. Однако полученное таким способом объяснение иллюзорно, ибо остается масса гносеологических вопросов: природа изменения и развития держится на априорной вере в прогресс, причинные зависимости никогда не удается выяснить до конца, простое сложение разнородных частей целого лишь дробит сюжет и т.д. Кроме того, есть еще люди в истории и конкретный человек с его непредсказуемым выбором. Многие историки XIX и начала XX века понимали эти методологические трудности и настойчиво искали пути их преодоления.

Тем не менее, успех темы революции в послевоенной историографии Б.Лепти считает одним из проявлений "методологии бегства"²⁰, т.е. следствием неспособности части историков справиться с методологическими проблемами. Во-первых, революция была объектом весьма разнородным: в ней было и политическое, и социальное, и экономическое, и культурное, и демографическое и т.п., что делало ее привлекательным полем для многофакторного исторического исследования. Кроме того, к ней можно было применить самый понятный в логике классики способ объяснения изменения – радикальный разрыв между одной целостностью и другой. Возможно, это мнение не бесспорно, но об очевидном акценте на разрыве и недооценке преемственности в истории революции в "классической" интерпретации писали, как известно, и Ф.Фюре²¹, и А.В.Адс²².

В методологическом плане марксистская историография революции, которая объявила себя преемницей классики²³ не очень отличается от той "историзирующей" историографии "ножниц" и "клея", в борьбе с которой происходило становление "Анналов". В этой историографии объект исследования был дан заранее. В работе со временем доминировало время календарное. Патент на научность выдавался текстуализацией материала путем выделения временных срезов (периодов) для того, чтобы выявить сходства и различия и тем самым показать ход процесса. Основным методом анализа социальных реалий предполагалось обязательное выстраивание социальной иерархии на основе априорных понятий, которые через "архив" наполнялись конкретным содержанием и т.д. Историк, профессионально сформировавшемуся в русле советской традиции содержание этих процедур хорошо известно.

Вера в прогресс, в возможность отличить "истинное от ложного" в кипении страстей революционного времени, уверенность в волшебной силе "понятий", "категорий", иерархий и классификаций, опора на убедительную и очень удобную в исследовательской практике "ясность" бинарного мышления (прогресс-регресс, базис-надстройка, материальное-идеальное, субъект-объект и т.п.), наивная вера в аналитическую продуктивность конструкций типа "с одной стороны..., с другой стороны" предопределили поражение этого направления в борьбе с "ревизионистами".

Между тем, к середине 30-х годов, после известных открытий в естествознании, ницшеанского анализа форм нигилизма, методологических дискуссий рубежа веков и первой мировой войны, которая, по общему мнению, оказала значительное влияние на интеллектуалов, сложилась принципиально новая мировоззренческая и эпистемологическая ситуация. Ее содержание лучше всех выразил М.Хайдеггер, показавший, что тип философствования, связанный с постановкой вопроса об установлении "истины о сущем в целом", себя исчерпал²⁴. Это означало, что время философско-исторических доктрин, претендующих на объективность и способность предсказывать будущее, закончилось. Главным "детищем" этой ситуации стало открытие тотальной неопределенности, что вновь обострило вопрос о судьбе исторического знания. Р.Дж. Коллингвуд,

размышляя о природе исторической истины в 1935 г. подтвердил диагноз М.Хайдеггера: "все теории познания, которые понимают его как взаимодействие или отношение между субъектом и объектом, существующими в настоящее время, противопоставленными друг другу и современными друг другу, теории, принимающие непосредственное как суть познания, делают историю невозможной."²⁵ Опосредованный характер исторического познания (прошлое дано нам только через источники) делает невозможной применение "традиционной концепции истины и ее модификаций, т.е. сопоставление высказываний с внелингвистическим референтом." (В.Н.Сыров). Основным, а, возможно, и единственным методом определения достоверности высказываний о прошлом является их согласование

Во всех сферах знания, в том числе в истории, ученые активизировали поиски выходов из осознанных гносеологических трудностей. Не случайно именно 30-е годы стали временем рождения французских "Анналов", одного из самых интеллектуально продуктивных историографических направлений XX века.

Новая ситуация актуализировала проблему времени и предопределила новое понимание роли историка как познающего субъекта. Переосмысление природы темпоральности в естествознании, философии, социологии, истории (А.Эйнштейн, М.Хайдеггер, Гурвич, М.Блок, Л.Февр, Ф.Бродель) стало важнейшим фактором в обновлении гуманитарного дискурса в целом и исторического мышления в частности. В историописании медленно, но все более уверенно календарное время и связанные с ним исследовательские процедуры стали вытесняться многомерным качественно содержательным социальным временем. Традиционную "историю-рассказ" сменяла проблемная история, в которой "объект" не дан заранее, а "конструируется" историком, и "только практика исследования его ясно высвечивает и выражает"²⁶. Такую историю интересуется не отрезок времени сам по себе, а содержание процессов, которые в этом отрезке можно увидеть.

Развитие конструктивистских идей²⁷, лингвистический поворот в философии, значение которого не только в том, что он обратил внимание на "язык" как еще одну сферу в ряду других, но позволил осознать знаковую и текстуальность мира и человеческой жизни,²⁸ убедили часть историков, что субъективизм в их ремесле принципиально неустраим. Отсюда известная, ставшая сегодня тривиальной максима – "история неотделима от историка" и соответствующее ей новое понимание содержания истории. "История, – писал, например А.И.Марру, – это не больше того, что мы считаем разумным принять за истину, в нашем понимании той части прошлого, которую открывают наши документы"²⁹.

Иными словами, стало ясно, что все наши интерпретации истории - это интеллектуальные конструкции историков, что делает понятной гносеологическую природу метафоры историографической "миф".

Обновленная философия, история науки, герменевтика, семиотика и "структуралистская революция" постепенно радикально изменили словарь историков. Традиционно понимаемое "объяснение" было практически вытеснено из этого словаря. Его заменили "понимание" и "интерпретация". Концепты "закон" и "закономерность" в гуманитарном дискурсе стали вытесняться "паттернами". Важнейшим методологическим принципом стала установка на сложность объекта изучения: смысл исследования не в том, чтобы, упростив объект наблюдения, сделать его более понятным, а в том, чтобы, руководствуясь установкой на сохранение сложности, найти способы более адекватного понимания и репрезентации последней. Руководящая нить такого исследования - "насыщение внятностью". После работ М.Фуко и Н.Элиаса "объект" уступил место "объективациям", сейчас предпочтение отдается концепту "конфигурация".

Понимание непрозрачности объекта изучения требует интеллектуальных усилий и специальных способов (процедур) для преодоления (всегда частичного) этой непроницаемости. Отсюда доминирующая установка самых интересных и свежих исторических работ последних десятилетий на сознательную творческую рефлексию исследователя, свободную от каких-либо ограничений (концептуальных, доктринальных, идеологических) – установка на изобретение. Отсюда примат исследовательской практики и недоверчивое отношение к общим схемам и абстрактным формулировкам. Но это вовсе не значит, что историки, в том числе французские, отвергли теорию. Они переосмыслили ее содержание, так же как и содержание методологии. И то и другое все более утрачивает значение инструментальных средств и становится культурным актом, порожденным в первую очередь стремлением познающего субъекта (историка) "переписать" какой-то фрагмент традиции в соответствии с собственным социокультурным опытом.

Тема нарратива, столь популярная сегодня в гуманитарном дискурсе³⁰ соединила в себе два важнейших открытия XX века: тему времени и тему языка, поскольку нарратив "представляет собой темпорально организованное повествование". Однако "поворот к рассказу и событию" в историописании не следует понимать только, как проявление стремления историков писать

интересно или "выстраивать" конкретный материал в хронологические ряды. Специалисты подчеркивают, что наррация является не вербальным актом, а способом организации событий как таковых (Карр Д.). Более того, установлено, что черты нарратива присущи повседневному человеческому опыту. Выявление нарративной природы социальной жизни открывает возможности для более глубокого самопонимания. В том числе путем применения концептов, выработанных нарратологией, в социальном и гуманитарном познании. Привлекательность нарратива для историков в том, что он открывает новые стратегии понимания, помогая мыслить не только в категориях закона и структуры, но и в логиках процесса и ситуации³¹.

Опыт весны 1968 года, обнажил слабости политических теорий, в том числе марксизма, который, как известно, был компонентом политического мышления многих западных интеллектуалов. Обострив нигилизм мыслителей, принадлежащих к поколению М.Фуко, он стал важным прагматическим стимулом к переосмыслению природы власти, знания, желания. Кроме того, этот опыт помог понять, что секрет так называемого "предательства революций" в том, что власти можно противопоставить только другую власть³². При этом критика власти стала одновременно и критикой логоса. "Разум и власть едины, - писал Ф.Лиотар в 1973 году. Вы можете приукрашивать разум с помощью диалектики или прогнозирования, но в то же время вы будете иметь власть в ее самом грубом виде: тюрьмы, запреты, общественное благо, отбор"³³. Сфера политического стала приоритетной в гуманитарном дискурсе, в том числе у историков.

Все эти новации³⁴, а также известные международные дискуссии 60-х годов о специфике исторического объяснения (с гемпелевской концепцией "охватывающего закона") и о социальной структуре французского общества Старого порядка³⁵ подпитывали интеллектуальные поиски "ревизионистов" и тех, кто в этой "атаке" смог увидеть не только идеологическую предвзятость.

В новой интеллектуальной атмосфере конца 50-70-х гг. отсутствие интереса у "классической" историографии революции к интеллектуальным процедурам, которыми руководствуется историк в работе³⁶, предопределило ее теоретическое поражение в борьбе (идеологической) и соперничестве (собственно научном) с "ревизионистами", которые напротив активно размышляли об основаниях своего ремесла.

Многочисленные сноски в монографиях и статьях историков 70–80-х гг. на труды Ф.Ницше, Г.Башляра, М.А.Бахтина, Ф.Соссюра, Э.Бенвениста, А. Бергсона, Э.Дюргейма, Э.Гуссерля, М.Вебера, М.Мосса, З.Фрейда, П.Рикера, Н.Элиаса, М.Шелера, К.Леви-Стросса, К.Гирца, Т.Парсонса, Ю.Хабермаса, Э.Гидденса, П.Бурдьё, Ж.П.Сартра, М.Хайдеггера, М.Фуко, Р.Барта, Ю.Кристовой, Ж.Лиотара, Ж.Делеза, Р.Рорти, Ж.Дерриды и других выдающихся представителей интеллектуальной мысли XX столетия свидетельствуют о том, что историки не уставали учиться у философов, социологов, географов, антропологов, лингвистов, литературоведов, социальных теоретиков, искусствоведов, культурологов, заимствуя у них исследовательские методы, подходы, идеи и критически переосмысливая, опираясь на полученные в смежных науках о человеке результаты, сложнейшие методологические проблемы и антиномии историописания. Было бы очень полезно проанализировать эти контакты и связанные с ними интеллектуальные мутации на историографическом материале французского Старого порядка и революции.

Примечания

1. Doyle W. *Origins of the French Revolution*. Oxford. 1989. *Hunt I. Politics, Culture and Class in the French Revolution*. Berkeley. 1984. *Vovell M. L'histoire de la Revolution francaise a la veille du bicentenaire // Annales historique de la Revolution francaise*. 1988 № 272. А.В.Адо. Великая Французская революция и ее современные критики // *Буржуазные революции XVII-XVIII вв. в современной зарубежной историографии*. М., 1986. Актуальные проблемы изучения Великой французской революции. Материалы "круглого стола" 19–20 сентября 1988г. М., 1989. *Блуменау С.Ф. От социально-экономической истории к проблематике массового сознания: Французская историография революции конца XVIII в. (1945-1993 гг.)*. Брянск, 1995.

2. *A.de Baecque. L'histoire de la Revolution francaise dans son moment hermeneutique. // Recherches sur la Revolution*. Paris. 1991. Т.1. Р.12–13. Даже М.Вовель, не смог познать в классической историографии революции конца XVIII в. историографию 60–70 гг. "пустотелой" (en creux), т.е. неглубокой, бессодержательной.

3. Такое видение сохраняется, хотя его место становится все более скромным в общем массиве научной продукции о революции. Значительная часть молодых исследователей ориентируется не на социальную историю, а на другие объекты изучения, прежде всего, связанные с культурой.

4. *A.de Baecque. Op.cit // Recherches sur la Revolution*. Paris. 1991. Т. 1. Р. 22.

5. См., например, *Блуменау С.Ф. Указ. соч.* Брянск. 1995; *Он же. "Ревизионистское" направление в современной французской историографии Великой буржуазной революции конца XV – начала XVIII вв.* Брянск, 1992; *Он же. Споры о революции во французской исторической науке второй половины 60-х – 70-х годов*. Брянск, 1994.

6. *Блуменау С.Ф. Указ. соч.* Брянск. 1995. *Smirnov V. L'image de la Revolution francaise dans l'historiographie post-sovietique // Pour la Revolution francaise. En hommage a Claude Mazorique. Recueil d'etudes*. Rouen, 1998. P 541-545 (Русская версия - *Смирнов В.П. Образ французской революции в пост-советской историографии*)

7. См., например, *Блуменау С.Ф.* В поисках новых подходов: 200-летие Революции и французская историография // Французский ежегодник-2000. С.27 и след.
8. См. подробнее *Ору С.* История. Эпистемология. Язык. М., 2000.
9. См. *Копосов Н.Е.* Как думают историки? М., 2001.
10. См. один из новейших вариантов: *Коллинз Р.* Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002.
11. *Тулмин С.* Человеческое понимание. Благовещенск, 1998. С.76.
12. *Сыров В.Н.* Расцвет и закат европейской философии истории (От Бэкона к Шпенглеру) Томск, 1997.
13. *A.de Vaesque.* Op. cit. P.14.
14. См. об этом *Чеканцева З.А.* О новом подходе к истории народных движений: Франция XVI–XVIII вв. // НиНИ . 1993, № 4. С.74–86.
15. *Фюре Ф.* Постигание Французской Революции. СПб. 1998. С. 130.
16. Там же. С.129.
17. *Сыров В.Н.* О статусе и структуре повседневности (методологические аспекты) // Личность. Культура. Общество. 2000. Т.2. Спец.выпуск. С.147.
18. Там же.
19. *Фюре Ф.* Указ.соч. С.138-139.
20. *Б.Лепти.* Общество как целое. О трех формах анализа социальной целостности // Одиссей 1996. М., 1996. С.152–153.
21. *Фюре Ф.* Указ.соч. С.126, 127, 138.
22. *Адо А.В.* О месте Французской революции конца XVIII века в процессе перехода от феодализма к капитализму // Актуальные проблемы... М., 1989. С.8–12.
23. Фюре назвал это неоправданным "присвоением наследства" и показал, что в наследии многих историков XIX - первой половины XX века, таких как А.Токвиль, О.Кошен и других, многое плохо согласуется с представлениями историков марксистов. Более того, они просмотрели в этом наследии целую копилку идей, которые позволяют не только обновить устоявшиеся объяснительные схемы французской истории XVIII века, но и выдвинуть принципиально новые рациональные инициативы. См. об этом *Фюре Ф.* Указ. соч.
24. *Хайдеггер М.* Европейский нигилизм // Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. М., 1993. С.63–176. Философы иногда определяют эту ситуацию как "конец философии", но речь, разумеется, идет о "кризисе" философствования "классического типа".
25. *Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории. Автобиография. М., 1980.С.222.
26. См., например, *Lepetit B.* Les villes dans la France moderne (1740–1840). P.,1988.
27. "Традиционалисты" списывали их на счет "релятивизма", "скептицизма" и даже "иррационализма", т.е. попросту отмахивались от этих идей как от надоедливых насекомых.
28. Это обстоятельство, как известно, стало мощным стимулом для развития семиотики, лингвистики, литературоведения, теории литературы, философской, социальной, культурной и исторической антропологии, нарратологии., искусствознания, культурологии.
29. *Marrou H. J.* Le Metier d'historien // L'histoire et ses methodes. Paris. 1961. P. 1524. Книга А. И. Марру (1904-1977) "Об историческом познании" выдержала в 1954-1975 гг. семь изданий.
30. *Prince G.* Narratology: Un form and fonctionning narrative. Berlin-New-York-Amsterdam.1982; *Carr D.* Time, Narrative and History. 1991; *Зверева Г.И.* Реальность и исторический нарратив: проблемы саморефлексии новой интеллектуальной истории // Одиссей 1996. М. 1996.
31. См. подробнее *Сыров В.Н.* Нарративное производство и современное социальное познание // Социальное знание в поисках идентичности. Фундаментальные стратегии социогуманитарного знания в контексте развития современной науки и философии. Томск. 1990. С. 20-26.
32. *Декомб В.* Современная французская философия. М., 2000. С.163.
33. Цит. по *Декомб В.* Указ.соч. С.164.
34. Я обратила внимание лишь на самое важное в интеллектуальном климате 60–80 гг.
35. См. об этом *Лепти Б.* Указ.соч. // Одиссей 1996. М., 1996. С.153.; *Копосов Н.Е.* Указ.соч.
36. Об отсутствии такого интереса у историков-марксистов писал еще Ф.Фюре. См. *Фюре Ф.* Указ.соч. С.125.